

ИССЛЕДОВАНИЯ

В. П. АДРИАНОВА-ПЕРЕТЦ

Афоризмы Изборника Святослава 1076 г. и русские пословицы

Изучение вклада древнерусской литературы в решение основной задачи словесного искусства — «человековедения» — невозможно без учета того материала, какой дают учительные жанры — «слова», «поучения» и сборники афоризмов-изречений, составлявшиеся в христианской Византии, на славянском юге и позднее на Руси. Помимо ответов на чисто религиозные вопросы, эта литература содержит много наблюдений над свойствами характера человека, над проявлениями их в поведении личном и общественном. Касаясь социальных взаимоотношений, складывавшихся в классовом — рабовладельческом и феодальном — обществе, безусловно поддерживая их, учительная литература пыталась смягчить тяжелые формы неравенства, опираясь на христианское учение о милосердии, и на этом пути создала яркие образы бедняка и богатого, властелина, судии и подсудимого, наделяя «сильных» и отрицательными чертами, отмеченными в жизни, и желательными положительными, отвечавшими христианской этике. Суммируя все советы учительной литературы Древней Руси, обращенные к людям вообще или к представителям определенного общественного положения, можно судить о том, как складывался положительный и отрицательный герой древнерусской литературы: его наделяли или качествами идеального христианского поведения, или осуждаемыми этим идеалом чертами.

Среди психологических наблюдений, особенно прочно закрепившихся в этой учительной литературе, было немало и таких, справедливость которых не ограничивалась пределами узко классовой и христианской — религиозной морали. Отражая общечеловеческий опыт, такие наблюдения сохраняли свою ценность надолго, и многие из них, особенно выраженные в лаконичной форме афоризмов, оторвавшись от своих литературных источников, вошли в литературный или даже общенародный язык в виде «пословичных изречений». Они пополнили запас собственно народных пословиц, пословичных изречений и поговорок. Эти книжные по происхождению изречения в народном языке встречались иногда с аналогичными по самой мысли, в них заключенной, народными афоризмами разных типов. Такое смысловое совпадение делает особенно убедительным общечеловеческое значение многих старинных книжных изречений, наглядно доказывает остроту наблюдательности далеких от нас по времени их создателей.

Таким образом, изучение учительной литературы выдвигает на очередь тему «Древнерусские афоризмы и русские народные пословицы». Еще М. Н. Сперанский поставил вопрос «об отношении изречения к пословице: оба рода произведений словесности имеют дидактический ха-

ракти, но принадлежат к различным областям по своей истории: изречения — произведения книжные по преимуществу, пословицы — устные. Взаимодействие тех и других вполне понятно; поэтому, решая вопрос о происхождении изречения, мы в то же время решаем вопрос по пословице: иногда мы в изречении найдем источник пословицы, иногда же на нем увидим влияние пословицы. Наконец, изучая изречение переводное или туземное, мы уясняем себе объем и источники целого круга пословиц».¹

Однако на сложность решения вопроса о взаимоотношении литературных изречений и так называемых крылатых слов, с одной стороны, и народных пословиц и поговорок — с другой, когда речь идет о древнейших их группах, справедливо указывают Н. С. Ашукин и М. Г. Ашукина, составители сборника «Крылатые слова. Литературные цитаты. Образные выражения»: «Трудно в каждом отдельном случае решить, принадлежит ли крылатое слово автору данного памятника древней письменности и отсюда перешло в литературную речь, или же оно создано народом и только впервые записано автором данного памятника. Эти классификационные трудности в равной мере относятся к греко-римской и библейской мифологии, почему условно источниками многих крылатых выражений и считаются памятники письменности, в которых они зафиксированы».² Добавим, что уже в XII в. в Византии началось собирание греческих народных пословиц и к этому времени относится один из старших сборников их, составленный Федором Продромом и снабженный комментариями его современника Михаила Глики. Таким образом, в литературу народные греческие пословицы могли с этого времени входить и через подобные сборники.

Но конкретный вопрос об отношении устных пословиц к афоризмам, перешедшим в древнерусскую литературу через библейские книги — Псалтырь, книги «Премудрости» Соломона и Иисуса сына Сирахова, через многочисленные византийские и болгарские произведения учительного жанра и, наконец, через сборники изречений на разные темы, во многих случаях может быть решен вполне определенно: часть книжных изречений мы обнаружим в более или менее переработанном виде в составе устных пословиц, а в поздних списках сборников типа «Пчелы» иногда встретятся дополнения, взятые из народного источника.

В настоящей статье тема «Древнерусские афоризмы и русские народные пословицы» изучается на материале Изборника Святослава 1076 г. — древнейшего русского сборника, в который вошли выборки и из памятников учительной литературы, богатых афоризмами, и из специальных паремииографических произведений.³

¹ М. Н. Сперанский. Переводные сборники изречений в славяно-русской письменности. М., 1904, стр. II.

² Н. С. Ашукин и М. Г. Ашукина. Крылатые слова. Литературные цитаты. Образные выражения. Изд. 3. М., 1966, стр. 4—5.

³ Изборник 1076 года. Издание подготовили В. С. Голыщенко, В. Ф. Дубровина, В. Г. Демьянов, Г. Ф. Нефедов. Изд. «Наука», М., 1965 (в дальнейшем: Изборник).

Список сокращений изданий пословиц и изречений

Богданов — Пословицы, поговорки, загадки в рукописных сборниках XVIII—XX вв. Издание подготовили М. Я. Мельц, В. В. Митрофанова, Г. Г. Шаповалова. — В серии: Памятники русского фольклора. Изд. АН СССР, М.—Л., 1961, стр. 65—118; Сборник пословиц А. И. Богданова.

Даль — Пословицы русского народа. Сборник В. Даля. ГИХЛ, М., 1957.

Паус — Пословицы, поговорки, загадки в рукописных сборниках XVIII—XX вв., стр. 40—46; Собрание пословиц И. В. Пауса.

Петр. — Там же, стр. 23—39; Сборник пословиц б. Петровской галереи.

I

XI век в истории русской литературы был временем, когда в нее широким потоком влилась византийско-болгарская литература самых разнообразных жанров. К середине этого века возникла и русская переводческая школа, инициатива создания которой принадлежала киевскому князю Ярославу Владимировичу, не случайно отмеченному прозвищем «Мудрый». По свидетельству летописи Ярослав «собра писце многы и прекладаше от грек на словеньское письмо, и списаша книги многы, ими же поучащесе вернии людье наслажаются ученья божественаго» (Повесть временных лет 1037 г.). Именно в княжение Ярослава сложилась та княжеская библиотека, на основе «мъногъ книгъ» которой при сыне Ярослава Святославе Ярославиче за короткие годы его княжения в Киеве (1073—1076 гг.) были созданы два замечательных сохранившихся до наших дней сборника — так называемые Изборники Святослава 1073 и 1076 гг. Первый из них был точной копией переведенного с греческого болгарского сборника царя Симеона. В 16 списках этот Изборник, включающий материал самого разнообразного содержания — богословского, учительного естественноисторического, по теории риторической речи, в течение всего средневековья, до XVII в. включительно, продолжал служить своего рода энциклопедией сведений по разным отраслям знаний. Иной характер носит Изборник Святослава 1076 г. Состав его определился интересами «грешнааго Иоана», русского писца, который сообщил в заключительной записи, что «книгы сия... избърано из мѣногъ книгъ княжих». Что же «избъра» этот книжник? Из обширной переводной литературы, которую он нашел в княжеском собрании, «грешный Иоан» отобрал полностью или в выписках сочинения, по преимуществу трактующие вопросы личной и общественной морали, отвечающей нормам христианской религии. Основная тема Изборника 1076 г. — «какко жити христианину».

Составитель подобрал на эту тему ряд поучений, которые прочно закрепились в древнерусской литературе, поскольку неизменными оставались в течение всего средневековья сформулированные в них правила поведения образцового христианина. Введением ко всему сборнику является начинающее его «слово некоего калугера о чьтении книг», которое предупреждает читателя о необходимости внимательно читать «книгы и словеса та»: «послушаим разумныма ушима и поразумеим силу и поучение святых книг» (стр. 156). Уже в этом вступительном «слове» обращает на себя внимание характерный почти для всех остальных поучений прием изложения: широкое пользование афористической формой речи, легко запоминающимися изречениями, которые обобщают основные мысли, иногда прибегая к сопоставлениям, приближающим эти мысли к пониманию читателя.

Кроме специальных подборок изречений — Нила Синайского (помещенных под именем Исихия пресвитера Иерусалимского) и Иисуса сына Сирахова, в Изборнике есть «поучения», особенно выделяющиеся афористичностью речи: «Слово некоего отца к сыну своему, словеса душеполезная», «Ксенофонта еже глагола к сынома своим», «Святых Фео-

Пчела — В. Семёнов. Древняя русская Пчела по пергаменному списку. СПб., 1893.

Симони — Старинные сборники русских пословиц, поговорок, загадок и проч. XVII—XIX столетий, собрал и приготовил к печати Павел Симони, I—II, СОРЯС, т. LXVI, № 7, СПб., 1899.

Татищев — Пословицы, поговорки, загадки в рукописных сборниках XVIII—XX вв., стр. 47—64: Сборник пословиц В. Н. Татищева.

доры» — также наставление сыну, «Стословец», «Святого Василия како подобает человеку быти» (в греческом оригинале это «слово» обращено к инокам). Иногда составитель Изборника выделяет особым заглавием группы изречений на определенную тему, то называя источник, откуда они взяты, то опуская имя автора, например: «о звании сильных», «о женах злых и добрых», «о жене лукаве», «о златолюбьди», «пророка Иоила о пьянстве», «Иоанна Златоуста о глаголющих в церкви» и т. д.

Составитель этого сборника, как видим, действительно правильно определил содержание своего труда — «избърано из мног книг княжих». Перечень авторов, из сочинений которых он выбирал на свою тему материал, показывает, насколько богата уже была к семидесятым годам XI в. княжеская библиотека и как основательно изучил ее «грешный Иоан». Начитанность позволила ему словами авторитетных христианских писателей ответить на самые разнообразные вопросы, возникавшие у читателей феодальной Руси: о богатых и бедных, о властях и подчиненных, о «попех» и их пастве, о семейных отношениях — о родителях и детях, о «женах злых и добрых», и, наконец, в «Стословце» и «Вопросах Антиоха» он дал разъяснение ряда собственно религиозных тем.

Через многочисленные списки сочинений, полностью или в выписках вошедших в Изборник 1076 г., часть изречений их вошла в живую речь начитанных книжников, а отсюда в разговорный язык в целом. Здесь произошла встреча книжных по происхождению изречений с народными пословицами, и последние иногда передали свой ритмический строй литературному афоризму, несколько приблизили его лексику и особенно грамматические формы к живому языку. В таком трансформированном виде часть этих литературных афоризмов встречается даже в сборнике пословиц В. И. Даля, который называет их «пословичными изречениями».

II

Основная тема Изборника — «како жити христианину» — определила особое внимание составителя к размышлениям христианских писателей по поводу «нрава» и поведения человека и его взаимоотношений с окружающими. Образ «положительного героя» — образцового христианина — создается главным образом на основании осудительных оценок отдельных черт характера и поступков каждого человека и представителей определенных социальных слоев.

Не касаясь многочисленных сентенций, требовавших от христианина «добродетелей», прямо вытекавших из христианского учения о благочестии, покорности «воле божией», смирении, остановимся на тех афоризмах, суждения и наблюдения которых выходят за рамки узко религиозной этики и которые нередко сохраняют свою справедливость и вне связи с религиозными представлениями.

Размышляя о «нраве» и поведении человека, помня христианское представление о «грехе» как отступлении от требований религиозной этики, а вместе с тем и о нарушении общечеловеческой морали, составитель Изборника опирается на учительную литературу, которая предупреждала: «Несть праведна иже не имать ничто же согрешения, и несть грешна, иже не имать ничто же блага».⁴ «Безгрешнааго есть дело еже грехом судити чюжим,

⁴ Поучение св. Иоанна Златоуста «О напастьех и бедах» по Прологу изд.: А. И. Пономарев. Памятники древнерусской церковно-учительной литературы (в дальнейшем: Пономарев. Памятники), вып. 4. СПб., 1898, стр. 105.

къто же е без греха, разве един бог», — таким афоризмом напоминает Изборник (стр. 251) о том, как много «грехов» в жизни и как вдумчиво надо «судить» грешника. Первая часть этого афоризма нашла свое отражение уже в записях пословиц конца XVII—начала XVIII в.: «Безгрешна человека на свете несть», «Нет того человека, не преступил бы чего» (Симони, стр. 78, 188). В сборнике Даля вариант: «Нет такого человека, чтоб век без греха прожил» (стр. 43). В устной передаче вторая часть книжного афоризма сохранилась очень близко: «Един бог без греха», «Один бог безгрешен» (Даль, стр. 43).

Через выборку из «слов» Иоанна Златоуста Изборник приводит и евангельский наказ: «Не осуждите да не осужени будете» (стр. 453; ср. в Ев. Матф., 7, 1—2: «Не судите да не судимы будете»). И это наставление перешло в устное изречение: «Не осуждай и осужден не будешь»; «Не суди других, не осудишься от них» (Даль, стр. 736). Однако смысл этого «непротивленческого» совета существенно ограничивается в Изборнике афоризмами, рекомендующими избегать советников и друзей «льстивых», которые только «хвалят», ни в чем не оспаривают, предпочитать тех, кто умеет возражать, т. е. «судить». В «Наказании богатым» Изборник советует: «Таки убо себе другы и съветьники имеи, иже не вься глаголемая тобою хвалят, но судьмь правдьнымь тьштать ся ответшати ти» (стр. 200).⁵ То же предостережение от «льстецов» звучит и в других афоризмах Изборника: «Отъвраштяи ся ласкавьць льстных словес яко и вранов, искалають бо очи умьнеи» (стр. 199); «Мънози бо приязнию лицемерною вельми известным пакость творять» (стр. 205); «Разумеваи суштлиих с тобою норовы, да познаеши в истину с любовью служаштиих ти или с льстью ласкаюштиих» (стр. 204—205).

Если в старых пословицах — «Друг льстив корысти желатель» (Симони, стр. 95), «Не тот тебе друг, кой в глаза льстит, но той тебе друг, кой за очню добра творит» (Паус, стр. 40) — еще ощущается переключки с книжным предостережением от льстецов, то лишь по общей мысли совпадает с ним народная пословица — «Не люби потаковщика, люби встрешника», известная в записях от сборников XVII—XVIII вв. до собрания Даля (Симони, стр. 12; Петр., стр. 32; Татищев, стр. 58; Даль, стр. 662). В отличие от книжного афоризма народная пословица относит этот совет не только к «богатым» и «сильным», но ко всем людям вообще.

Из приведенных выше афоризмов Изборника вырисовывается одно из положительных качеств человека — умение выслушать справедливый «суд», не поддаваться на «льстивые» речи со всем соглашающегося «ласкавьца». Соответственно безоговорочно осуждается «ласкавьць». «Другом» и «съветьником» человеку может быть только тот, кто «судьмь правдьнымь» оценивает его слова и поступки. Теме дружбы и характеристике истинного друга посвящен ряд афоризмов Изборника.

Ценность дружбы подтверждается изречением Иисуса Сираха: «Друг верьн — кров крепьк, обретьи же его обрете съкровиште», «Друг верьн — утеха житию» (стр. 329). Пересказ части этого изречения записал как пословицу Паус: «Кто имеет доброго друга, обретает сокровище» (стр. 44). Татищев повторяет начало афоризма Изборника: «Друг верен — кров крепок» (стр. 52).

Подлинный друг познается в дни печали, тогда как мнимых друзей много у богатого и удачливого — об этом напоминают афоризмы Избор-

⁵ От имени Сократа (в греческом тексте «Исократ») «Пчела» дает аналогичный совет: «Друга ищи не мила тебе деющася, ни по тебе молвьаша, но крепкаго думцю и полезнаго тебе иуща и противящася непоставным твоим словом» (стр. 63).

ника. Из книги Иисуса Сирахова выписан здесь совет: «Аште сътвориши друга, то в напастях си и сътвори и, и не скоро увери ся ему. Есть бо друг в время радости и не пребудеть в день печали твоя... И есть друг трапезам обьштьник и не пребудеть в днь скърби ти» (стр. 327—328). В конце XVII в. в число пословиц занесено изречение: «Друг верен в напастех познавается» (Симони, стр. 95); «Друг познаваецца при рати да при беде» (Петр., стр. 26).⁶ Здесь же есть аналогия и последней части книжного изречения: «При пиру, при беседе много друзей и братьей» (стр. 33). Паус записал краткую форму пословицы: «Когда богат, тогда и друзей много» (стр. 41). Варианты находим в записи Татищева: «Друга узнать в напасты» (стр. 52); «При пиру и беседе много друзей» (стр. 61); «Друг познается при рати и обеде» (стр. 52). У Даля часть вариантов повторяют старые записи: «Друг познается в несчастии», «Без беды друга не узнаешь», «Друг познается на рати да при беде» (стр. 775). Но пословица о друзьях «при пиру» приведена в художественно обработанной ритмической форме: «При пире, при бражке — все дружки, при горе кручине — нет никого», «Как при пире, при беседе — много друзей, как при горе, при кручине — нет никого» (Даль, стр. 777).

Обобщенное выражение мысли об испытании человека в дни «напасты» усиливается сопоставлением в афоризме, приведенном в Изборнике со ссылкой на «Мудрость Иисусову» (книга «Премудрости Иисуса Сираха»): «Огньмь искушено бываеть злато, а человеци приятни в время съмерения» (стр. 316). В виде изречения Сократа «Пчела» относит этот афоризм к друзьям: «Злато огнем искушается, а друг житийскими напастями» (стр. 62).⁷ В устную пословицу этот афоризм перешел именно в форме, восходящей к изречению Иисуса Сираха, включенному в Изборник: «Золото огнем искушается, а человек напастями» (Даль, стр. 151).

Изборник учит особо ценить «старого» друга: «Не оставяи старааго друга, новыи бо несть тьчьн ему» (стр. 373). Эту мысль по-разному выражают устные пословицы начиная со старших записей: «Старой друг лутче семерых молодых» (Симони, стр. 142); «Старой друг лутче новых двух» (Петр., стр. 35); «Нового друга желай, а старого не избывай», «Новых друзей наживай, а старых не теряй» (Даль, стр. 296),⁸ «Новый друг что неуставный плуг», «Молодой дружок что вешний ледок» (Даль, стр. 740).

В условиях феодального общества «общехристианские идеи милосердия, любви к ближнему, нищелюбия... были идеями феодального класса в целом, оправдывали и обосновывали его господство, эксплуатацию большинства».⁹ Немало внимания уделил и составитель Изборника этим темам. Человек должен быть «милостивым», отзывчивым на людскую нужду. Видимо, эта тема представлялась составителю весьма существенной, и потому не случайно он, заканчивая свой труд, выписал целиком произведение, выпадающее из жанра сборника в целом. Перед заключи-

⁶ У Даля есть близкий вариант — «Коня в рати узнаешь, а друга в беде» (стр. 775), представляющий точный перевод изречения Плутарха (И. Е. Тимошенко. Литературные первоисточники и прототипы трехсот русских пословиц и поговорок. Киев, 1897 (в дальнейшем: Тимошенко), стр. 125).

⁷ В греческом тексте Менаандра изречение также отнесено к друзьям: «Золото на огне может быть испытано, а расположение друзей узнается в трудную минуту» (Тимошенко, стр. 82).

⁸ Точное соответствие этому тексту находим в сборнике XV в. греческих пословиц, составленном Михаилом Апостолием, включившим в него «изречения знаменитых мужей древности» (Тимошенко, стр. 165).

⁹ См. подробнее: Д. С. Лихачев. Некоторые вопросы идеологии феодалов в литературе XI—XIII вв. — ТОДРА, т. X, М.—Л., 1954, стр. 82.

тельной записью «грешнаго Иоана» помещена трогательная легенда «О милостивем Созомене и о томъ, како даи нищему 100рицею прииме» (стр. 687—700). Это чисто повествовательное произведение должно было дать наглядный пример того, как вознаграждается щедро подаваемая милостыня.¹⁰

Среди афоризмов, выражающих общехристианскую оценку милостыни как средства спасения, например — «Огнь поляшть вода угасить, а милостыни оцестить грехы» (стр. 417), находим изречение Иисуса Сираха, напоминающее, что милостыню следует подавать вовремя: «Красьна есть милостыни в время скърби, яко же и облаци дъждевнии в время ведра» (стр. 352—353). В конце XVII в. в устной передаче это изречение звучало так: «Честна милостыня во время скудости» (Симони, стр. 154; то же — Петр., стр. 38; Татищев, стр. 52, вар. Дорога...).

Изборник повторяет совет Иисуса Сираха: «Не буди рука твоя протърта на възятие, а на даение съгъбена» (стр. 323). Независимо от этого изречения устная поговорка по-своему оценивает «даяние»: «Лучше дать, нежели взять», «Дай бог подать, не дай бог просить» (Даль, стр. 647).

Защита «обидимаго» — тема многих изречений Изборника, например: «В кротости изъми обидимаго изд руки обидяштааго» (стр. 419). В конце XVII в. аналогичная оценка выражена в пословице: «Не тот милостив, хто много милостыни дает: тот милостив, кто никого не обидит» (Симони, стр. 127).

Так, к идеальному характеру человека Изборник добавляет еще две черты: он не просто «милостив», но умеет оказать помощь вовремя и защитить «обидимаго». Оба эти качества ценит и устная поговорка. Но гораздо чаще и афоризмы Изборника, и аналогичные им по мысли устные поговорки подсказывают, каким не должен быть человек, тем самым определяя его положительные качества и основанное на них поведение.

Изборник дает целый ряд наставлений в форме афоризмов на тему, с которой древнерусский читатель был хорошо знаком по евангельским текстам Матфея и Луки, советовавшим прежде всего замечать свои недостатки: «Что ты смотришь на сучек в глазе брата твоего, а бревна в твоём глазе не чувствуешь?» (Ев. Матф. 7, 3, Луки 6, 41).

Изборник именем Исихия презвитера Иерусалимского называет изречение Нила Синайского: «Съмотрим себе да инем не зазираем, мъного бо того в нас, имь же то инем не зазираем» (стр. 276). Из «слов» Иоанна Златоуста в Изборник включены изречения: «Врачу врачуи себе... себя не могы учити и инех начиная учити мъногы имать ругателя на ся» (стр. 444).

Эта тема в устных поговорках непосредственно связана именно с евангельским ее выражением, но по самой мысли вполне совпадает и с изречениями Изборника: поговорки на эту тему известны в записях с XVII в.: «У друга в глазах вижу сучец, а у себя не вижу бревна» (Татищев, стр. 63); «У друга сучок в глазе видишь, а у себя и бревна не чюешь» (Петр., стр. 35); «В чужом глазу порошокну видишь, а в своем пенька не видишь», «В чужом глазу порошокна — велик сучок, в своем и бревна не видать» (Даль, стр. 465). Отдаленно примыкают к этому совету замечать прежде всего свои недостатки иронические поговорки: «Дурной хулит нехорошего», «Кому всё не годится, тот и сам не годится» (Даль, стр. 465, 466).

¹⁰ У Даля есть поговорочное изречение, выражающее эту мысль: «Кто добро творит, тому бог отплатит» (стр. 127).

«Злоба» и «зависть» осуждаются в изречениях Изборника многократно: «Завидьливу себе несть зълеиша» (стр. 351), «Что же льгъчае брату не завидети» (стр. 449), «Ничьсо же с завистью творити» (стр. 471), — такие и им подобные советы повторяются в разных статьях Изборника. Словами Иисуса Сираха поясняется вред «зълобы» — она проявляется у человека даже тогда, «аште и добро сътворитъ, то забыв ся творитъ и на последък изнесетъ зълобу свою» (стр. 351).

Пословицы конца XVII в. также осуждают зависть, повторяя и религиозную оценку этого порока: «Обидлив, завидлив не внидут в рай» (Симони, стр. 129); но и без этой мотивировки «зависть» вредна самому человеку: «Зависть имеи часто въздыхает» (Симони, стр. 105); унижительное сравнение в поговорке подтверждает осуждение завистливого: «Завидливый что пес, обидливый что бес» (там же). У Даля собрано большое число самых разнообразных пословиц и поговорок, осуждающих зависть, хотя прямо и не связанных с книжными изречениями на эту тему: «Злой плачет от зависти, а добрый от жалости (радости)», «Завистливый по чужому счастью сохнет (чахнет)», «Завидуши глаза не знают стыда», «Завистью ничего не возьмешь» и т. д. (стр. 672—676).

Жадность во всех ее проявлениях осуждается в Изборнике: «Не ть есть богат, мьного имея, но ть, иже мьного не требует. Ни убог есть ть, иже мьного не имать, нь ть, иже мьногих хочеть», — учит Иоанн Златоуст (стр. 437). Пословица по-своему учит тому, что ценно не само богатство: «Не тем богат, что есть, а тем богат, чем рад» (Даль, стр. 107).¹¹

Словами Иисуса Сираха Изборник советует: «Ни другу того сътвори, еже ти себе не [любо]» (стр. 338). Отметим, что «Иоанн диак», закончив переписывание Изборника Святослава 1073 г., вспомнил в заключительной записи то же изречение: «А коньць вьсемъ книгамъ. Оже ти собе не любо, то того и другу не твори» (л. 263 об.). Пословица шире применяет этот совет: «Чего себе не хочешь, того и другому не твори» (Даль, стр. 194).

Изречение Исихия (ошибочно вместо Нила Синайского) рекомендует умеренность в еде: «Толико тьчю даи телу, елико же требует, а не елико же похочеть» (стр. 278). Устные пословицы в самой разнообразной форме осуждают жадность в еде: «Много сможется, вдвое хочеться»,¹² «Не столько надобится, сколько хочеться», «Ложка то узка — таскает по три куска; надо ее развести, чтоб таскала по шести», «Ты, брюшко, хоть лопни, а добро не оставайся» и т. п. (Даль, стр. 677—678).

Изборник с разъяснением включает афоризм Исихия: «Мати зълм леность: доброты бо, яже имаши, крадеть, а их же не имаши, не дасть обрести» (стр. 287). От имени того же автора выше приведено и другое изречение, близкое по теме, осуждающее праздность: «Праздныи же да не ясть» (стр. 286). Учительная литература широко развивает тему этих изречений в «словах» «о ленивых и сонливых», и в одном из них повторяется первый афоризм вместе с пояснением: «Леность бо всем злым делом мати есть: аще бо что и доброты имаши, то леность погубляет, а инех добродетелей не даст совокупити; аще бо и богат будеши, а ленив, то оскудеши». Второй афоризм приводится в том же «Поучении ленивым

¹¹ К этой пословице ближе изречение Демокрита из «Пчелы»: «Не богатый блажен, но иже богатства не требует» (стр. 131).

¹² В общей форме суждения о жизни в целом пословица советует такую же умеренность: «Не живи как хочеться, а живи как можеться» (Даль, стр. 58). Греческие и латинские параллели к этой пословице Тимошенко указывает начиная с Платона и Теренция (стр. 62).

иже не делают» Василия Великого Кесарийского в слегка измененном по сравнению с Изборником виде: «Ленивый же, да по Апостолу — не яст».¹³

В пословицах первому книжному афоризму соответствует изречение: «Праздность мать пороков» (Даль в примечании определяет его как переводное, стр. 500), «Лень мужа портит, а стан ево кормит» (Симони, стр. 118). Подобно учительной литературе пословицы предупреждают, что лень ведет к бедности: «Леность наводит бедность» (Симони, стр. 118), и в том же сборнике конца XVII в. свободные варианты этой мысли: «Ленивой пьет воду», «Ленивого и по платью знать» (Симони, стр. 116). В записях Даля есть несколько вариантов мысли о том, что лень ведет к бедности: «Лень добра не деет», «Станешь лениться — будешь с сумой волочиться», «Лень к добру не приставит» и т. д. (стр. 505—507).

Второй книжный афоризм — «Праздный (ленивый) да не яст» — также переключается с пословицами: «Хочешь есть калачи, так не сиди на печи», «Лень без соли хлебает», «На чужую работу глядя, сыт не будешь» и т. п. (Даль, стр. 502, 505, 508).¹⁴

В обстановке классового общества вставали сложные вопросы об отношении «богатых» и «сильных» к бедным и подчиненным. Не всегда в христианской литературе эти вопросы решались только в соответствии с требованиями религии, учившей бедных терпеливо сносить свою долю в надежде на награду после смерти и беспрекословно подчиняться всякой власти, потому что она «от бога». В той же литературе мы найдем и осуждение «немилостивых» богатых и «неправедных» судей. Критическое отношение к тем и другим отражено и древнерусскими афоризмами и устными пословицами.

Составитель Изборника уделил значительное внимание темам богатых, властей и отношения их к бедным, подчиненным, выделив даже посвященные этим темам особые статьи: «Наказание богатым» (стр. 198—206), «О звании сильных» (стр. 347—368), «О златолюбьи» (стр. 390—402). Часть изречений этих разделов находит аналогии в пословицах.

Признавая закономерным деление людей на богатых и бедных, «властелинов» и подчиненных, христианская литература призывала богатых и «сильных» «не обидеги» бедных и предъявляла к ним ряд требований. Не всякий, утверждает «Наказание богатым», имеет право быть «властелином»: «Тьгда наречеть ся кьто убо истиньныи властелин, егда сам собою обладает и нелепым похотьм не работаеть» (стр. 202).¹⁵ Аналогичны по мысли пословицы, записанные Далем: «Кто сам собою не управит, тот и других не наставит», «Не управишь собою — не управишь и другим» (стр. 125).

Изборник в том же «Наказании богатым» требует от судьи одинаковой справедливости по отношению ко всем: «Не оправдаи неправдьянаго аште и друг ти есть; ти обидить правдьянаго, аште и враг ти есть» (стр. 203—204). Пословица повторяет это требование в более общей форме, не направляя его только к судьбе: «Другу дружи и другому не вреди (а недруга не губи)», «Другу не дружить, а недругу не мстить, чтоб души не сгубить» (Даль, стр. 191).

¹³ Пономарев. Памятники, вып. 3, стр. 92.

¹⁴ Подобно тому как в «словах» «о ленивых и сонливых» образ ленивого дается в сатирических тонах, так и в пословицах много насмешек над ленивым.

¹⁵ «Пчела» от имени «Димокрита» короче выражает ту же мысль: «Иже хошет над инем княжити, да учится первие сам собою владети», «Несмысленным уне есть под властью быти, нежели самому владети» (стр. 103).

В разделе «О звании сильных» словами Иисуса Сираха с горькой иронией Изборник напоминает о том, как по-разному люди оценивают одни и те же поступки богатого и бедного: «Богату съблзнивъшуся мнози заступници и глаголы неиздреченьными оправдять и. Убогии же съблзни ся и припретиша ему и извешта разум и не даша ему места», «Богаты възглагола и вси умълкоша и слово его възнесоша до облак. Убогии же възглагола и вси рекоша: чъто съ есть? И аште потъкнеть ся, въздринуть и» (стр. 348—350).¹⁶ В старших записях пословиц особое отношение к богатому выражено хоть и кратко, но вполне определенно: «Богата хотя дурака всяк почитает», «Богату хотя глупу всяк деет место» (Симони, стр. 81). Противопоставление судьбы богатого и бедного в старших записях пословиц построено на иных образах: «Богат ищет места, а убог смотрит теста», «Богат мыслит о злате, а убог о блате», «Богат шол в пир, а убог брел в мир», «Богатому пакость, а убогому радость» (Симони, стр. 78, 80, 175). Иначе звучит такое противопоставление в записях Татищева: «Богатой сахар зоблет, и убогий не камень гложет» (стр. 47). В сборнике 1741 г. Богданова противопоставление ближе к книжному афоризму, подчеркивающему разницу в отношении к речам богатого и убогого: «Богатого слово — в евангелие кладут, а убогого — и в азбуку не годится» (стр. 66), и там же: «Богатый носит что хочет, а убогой что может». В записи Даля еще ближе к изречению Сираха выражено особое отношение к речам богатого, хотя противопоставление словам убогого отсутствует: «Коли богатый заговорит, так есть кому послушать», «Богатый хоть врет и то впрок идет», «Тот и умен, кто богато наряжен» (стр. 81—83).

Именно потому, что составитель Изборника наблюдал, что в жизни всегда одолеет богатый и «сильный», он включил в раздел «о златолюбье» изречение Сираха, советующее бедняку подальше держаться от них: «С креплешиим себе и с богатеишимъ не приобыштаи ся. Кое бо приобыштение гърньцю с котълъмъ: ть бо приразиться и съкрушиться» (стр. 401—402). На том же образе построена пословица в сборнике Даля: «Горшок котлу (вар.: чугуну) не товарищ» (стр. 773).

Таким же предупреждением звучит в Изборнике совет Сираха не ссориться, не спорить с «сильным» и с «судией»: «Не свари ся с человекъмъ сильнъмъ, еда како въпадеши в руке его», «Не тишти ся с человекъмъ сильнъмъ, еда како отягъчить ти меру», «Не свари ся с судиею, по преже бо судять ему» (стр. 343—344, 347). В XVIII в. не раз записывалась сходная по смыслу пословица: «С сильным не борись, а з богатым не тяжись» (Петр., стр. 34; Татищев, стр. 62; Богданов, стр. 111). Паус записал, видимо в пересказе, ту же пословицу: «Бедной не тягается с богатым» (стр. 42). У Богданова шуточный вариант: «Борис, не со всяким борись» (стр. 68). Даль повторяет старую пословицу (стр. 98) и приводит ее вариант: «Не силен — не борись, не богат — не сердись» (стр. 830).

¹⁶ На «Сираха» ссылается и «Пчела», более кратко излагая мысль об особом отношении к богатому: «Богату съгрешивъшу, мнози помощници обретошася ему и изорченне глагол его оправдиша», «Богаты възглаголеть и вси умолкоша и слово его възвысиша до облак» (стр. 127). Даниил Заточник сохраняет, хоть и короче, чем Изборник, противопоставление «богатый—убогий»; «богат мужь везде знаемъ есть и на чужей стране друзи держит, а убог во своен ненавидимъ ходит. Богат възглаголеть — вси молчат и вознесут слово его до облак, а убогии възглаголеть — вси нань кликнуть. Их же ризы светлы, тех речь честна» (Н. Н. Зарубин. Слово Даниила Заточника по редакциям XII и XIII вв. и их переделкам. Л., 1932, стр. 11).

Совет не ссориться с судьей подчеркивается в Изборнике предупреждением Сираха о силе «мзды» — взятки: «Мзда и дарове ослепляют очи мудрых, да видяштей не видять» (стр. 362—363).¹⁷

В наиболее близкой к афоризму Изборника форме передают этот совет записи XVII—XVIII вв.: «Мзда и премудру мужу ослепляет очи» (Симони, стр. 120); «Мзда и мудрых ослепляет очи» (Богданов, стр. 95). Записи Татищева напоминают, что в изречении Изборника назывались и «дарове» и «мзда»: «Дары и мудрых ослепляют», «Мзда и мудрых ослепляет» (стр. 51, 56). Первую из этих пословиц о «дарах» приводит и Даль (стр. 174). Применение изречения о силе мзды к «судиям» нашло отражение в пословицах: «Мздою что уздою обратишь судью в твою волю» (Симони, стр. 120). В записях Даля смысл этого изречения сохраняется в самых разнообразных по форме пословицах: «Судью подаришь — правду победишь», «Дари судью — так не посадит в тюрьму», «Скорее дело вершишь, коли судью подаришь», «Порожними руками с судьей не сговоришь» и т. п. (стр. 173—175).

Библейские книги и позднейшая христианская литература учили вдумчивому, осторожному отношению к слову, осуждали болтливость, предостерегали от «словес льстивых», от «клеветы», требовали умения хранить тайну. Евангелие от Матфея (гл. 7, ст. 7) стало источником пословичного изречения, известного в записях XVII—XIX вв.: «Во многом глаголении несть спасения» (Симони, стр. 85; Паус дает пересказ: «Во многих словах нет спасения», стр. 40; точно передают это изречение Татищев, стр. 48, Богданов, стр. 73 и Даль, стр. 407).

Изборник именем Исихия (Нила Синайского) призывает к воздержанию от болтливости: «Свяжи язык си, многашьды бо извештаеть, еже есть лепо таити» (стр. 277—278). Изречения Иисуса Сираха вторят: «Человек мудр умлчить до времени и умножиа словеса мързък будеть» (стр. 361), «Язык человекъ падение ему есть» (стр. 325).

Против неразумного пользования словом, против болтливости предостерегают и пословицы: «Язык мой враг мой — прежде ума моего рыщет» (Симони, стр. 161; Петр., стр. 26). Даль повторяет старую форму этой пословицы, но дает и вариант: «Язык мой враг мой — прежде ума рыщет, беды ищет» (стр. 412). Тот же совет выражается в пословицах и в другой форме, не связанной с книжными афоризмами: «Сперва подумай — потом говори» (Симони, стр. 195); «Много знать подобает да больше молчать» (Паус, стр. 40); «Многие речи в добро не приводят», «Мало говори — больше услышишь», «Много знай да меньше говори», «Мы видим да не скажем» (Богданов, стр. 94—96); «Поменьше говори — побольше услышишь», «Слушай больше, а говори поменьше» (Даль, стр. 407).

Афоризму Сираха — «Не буди скор языкъмъ своимъ и ленив и слаб в делех своих» (стр. 322) у Даля соответствует пословица «Не спеши языком, не ленись делом (вар.: а торопись делом)» (стр. 564). Изречению того же автора — «Слыша ли слово тайно, да умереть с тобою и не всякому словеси веру емли» (стр. 360) вторит пословица: «Не всякому слуху верь, не всякую правду сказывай» (Даль, стр. 413).

Среди недостатков в поведении человека Изборник словами Сираха осуждает привычку часто давать клятвы: «Кльный ся мьного испльнить

¹⁷ Афоризм «дары ослепляют ум богов бессмертных и людей» получил широкое распространение от Гесиода через Платона и Овидия, но христианские писатели усвоили через Лексикон Свиды сокращенный его вариант: «Дары и мудрых ослепляют» (Тимошенко, стр. 16—17).

ся безакония» (стр. 365). В сборнике Даля находим варианты той же мысли: «Кто без дела божится, на того нельзя положиться» (стр. 655), «Горе кланущемуся, а вдвое на клятву ведущему» (стр. 654), «Кто много врет, тот много божится» (стр. 653).

Сурово осуждает Изборник, опираясь на церковные авторитеты, пьянство, хотя и признает справедливым изречение апостола Павла: «Мед в веселие дано бысть богъмь, а не на пьянство сътворено бысть» (стр. 686). Эту оговорку усвоили и пословицы в записях с XVII в.: «Вино веселит сердце человеку», «Невинно вино — виновато пьянство» (Симони, стр. 84, 128). Татищев записывает: «Невинно вино — но проклято пьянство» (стр. 57; Богданов, стр. 100). У Богданова отмечены и варианты пословиц конца XVII в.: «Вино не винить, но пьянство» (стр. 70), «Не вино винит, но пьянство» (стр. 100). Даль записывает и книжное изречение «Вино веселит сердце», но повторяет и обвинение пьянства: «Невинно вино, а проклято пьянство», «Не винит вино, винит пьянство» (стр. 802).

О вреде пьянства не только с религиозной точки зрения — «Пиянице цесарьствия божия не наследствуют» (как пословица это изречение записано в XVII в. — Симони, стр. 134), «Не упивайтесь винъмь, в немъ же несть спасения» (стр. 685). Изборник предупреждает словами апостола Павла: «Делатель пияница не обогатеетъ» (стр. 685). О материальном вреде пьянства напоминают и пословицы: «Любят вино и масло не обогатятся», «Пить до дна не видать добра», «Пить много винца — не видать добра» (Симони, стр. 118, 134, 192). «Пить до дна — не видать добра» — самая популярная в ряду пословиц о материальном вреде пьянства (см. Петр., стр. 33; Богданов, стр. 105; Даль, стр. 798).

Но Изборник приводит и обширные выписки из «Беседы» Василия Великого «против упивающихся», где среди других вредных последствий пьянства отмечено: «Пьянство бо есть съмыслу раздрусение и пагуба» (стр. 684). Эта мысль постоянно напоминает в пословицах: «Не пей много вина — не истяряешь ума», «Хто пьет до дна, тот живет без ума», «Полно пить — лутче ум копить» (Симони, стр. 125, 151, 186). В сборнике Даля: «Выпьешь много вина, так поубавится ума», «Вино сперва веселит, а там без ума творит» (стр. 799), «Пить — пей, только ума не пропей» (стр. 795), «Не жаль вина — жаль ума», «Вино с разумом не ладит» и т. п. (стр. 799). Впрочем иногда пословица спорит с этими изречениями: «Пей до дна — наживай ума», «Чарка вина прибавит ума» и даже «Пьян бывал, а ума не пропивал» (Даль, стр. 794).

Вопросы семьи, семейных отношений также затронуты в ряде статей Изборника. Из изречений Иисуса Сираха составитель выбрал группу, озаглавив ее «о чьсти родитъл» (стр. 411—415), другую выделил заголовками «о женах зълых и добрых» (стр. 382—384), «о жене лукаве» (стр. 384—385). Об обязанностях детей по отношению к матери и о верности мужа говорит поучение «Ксенофонта иже глагола к сынома своима» (стр. 477, 479—481).

Наставляя «чътити» родителей, Сирах обещает награду за это: «благословение бо отче утвъръжяетъ дома чядом, клятва же матерья искореняетъ до основания» (стр. 413). Это изречение вошло в XVII в. в Повесть о Горе Злочастии, а в виде устной пословицы в разных вариантах находим его в сборнике Даля: «Родительское благословение на воде не тонет, на огне не горит», «Отцовская клятва сушит, а материна коренит», «Материнская молитва со дня моря вынимает» (Даль, стр. 387). Наставление Ксенофонта — «Матери же ваю чьсть отъдаита и все добро сътвориата ей, да господа узьрита радующта ся», «Матере не забываита, волю

ей творита» (стр. 479, 480) — отозвалось в пословичном изречении: «Покояй матерь свою волю божию творит», «Не оставляй отца и матери на старости лет, и бог тебя не оставит» (Даль, стр. 385).

«Жене доброй» посвящены изречения Сираха: «Жены добры блажен есть мужь ея и число дънии его сугубо», «Жена добля веселить мужи своего и лета его испълнить миръмь», «Жена добля и мудра — часть блага и в чясти боящих ся господа дана будеть», но Сирах скептически замечает: «Жену мудру не удобь обрести» (стр. 383—384). Такую характеристику доброй жены пословица усваивает рано — в сборнике XVII в. находим: «Женою доброю муж честен бывает» (Симони, стр. 183); «Женою доброю и муж честен» (Петр., стр. 26); «Доброю женою и муж честен» (Даль, стр. 370).

Изобретательнее была византийско-болгарская литература, подбирая осудительные определения «злой жены». За три года до составителя Изборника 1076 г. «Иоанн диак», копировавший болгарский Сборник царя Симеона, познакомил русских читателей с особым «словом о злых женах», в котором с поразительной щедростью собраны разнообразные сопоставления женской «злости» с самыми отрицательными предметами и явлениями. Может быть, помня это «слово», «грешный Иоан» ограничился в своей подборке лишь несколькими характеристиками «злой» и «лукавой жены»: «Мала есть вся зълоба противу зълобе женъскей» (стр. 382) — ср. в пословицах: «Злых всех злее злая жена» (Симони, стр. 105), «Злая жена злее зла» (Даль, стр. 376). Изборник продолжает: «Жена лукава язва сердьчяная», «Волю жити с львъмь неже с женою лукавою», «От жены начятък греху, и тою вси умираем» (стр. 382—384). Даль записал много пословиц, осуждающих «злых» жен, но бóльшая часть их восходит к «словам о злых женах», старший образец которых читается в Изборнике Святослава 1073 г. Однако пословица «Лучше жить со змеєю, чем со злою женою» (Даль, стр. 376), как и ее вариант «Лучше хлеб есть с водою, чем жить со злою женою» (там же), близки к изречению Сираха («Волю жити со львом...»). Пословичный вариант книжного напоминания о «грехе» Евы — «От жены начятък греху...» — приводит Даль: «Ева Адама прельстила, весь род погубила (потопила)» (стр. 211).

Включенное в Изборник «Слово некоего отца к сыну своему» учит, что в жизни рядом живут радость и горе, поэтому не следует веселиться: «Не въскошти веселовать ся в мире семь: все бо веселие света сего с плачъмь кончаваеть ся. И се яве видети в мире семь в дъвоих суседех — у сих сватьбу творять, а у других мрътвьця плачють ся: и ть же плачь суетьны — дньсь плачють ся, а утро упивають ся» (стр. 168—169). И основной тезис этого размышления, выраженный в форме афоризма, и разъясняющие его бытовые примеры нашли отражение в пословицах. В записях XVIII в. мысль о том, что не следует веселиться, выражена в пословице: «При печали не будь печален, а при радости не будь радостен» (Петр., стр. 33; Татищев, стр. 61). Мысль книжного изречения о том, что всякое веселье кончается плачем, в пословицах выражается то ближе к книжному источнику: «Всякая земная сладость обрацается в плач» (Паус, стр. 42), то получает общий смысл — горе и радость живут рядом, чередуются: «Вечер водворится плач, а заутра радость», «Веселие не вечно и печальное конечно», «Ни радость вечна, ни печаль бесконечна» (Симони, стр. 86, 87, 124); «Радость без печали не бывает» (Паус, стр. 42); «Ни печали без радости, ни радости без печали», «За весельем горесть ходит по пятам» (Даль, стр. 869); «Где чається радостно, там встретится горестно», «Счастье с несчастьем двор обо двор живут», «Где радость, тут

и горе, где горе, там и радость» (Даль, стр. 69, 67, 149). Аналогию к бытовому примеру книжного афоризма, противопоставляющего свадьбу похоронам, дает пословица: «Ваши играют, а наши рыдают» (Даль, стр. 63).

К этим размышлениям о жизни примыкает и пессимистическое изречение Сираха (Изборник, стр. 352): «Луче есть смърть паче живота горька». В такой общей форме это изречение записал Татищев: «Лучше смерть, нежели странен живот» (стр. 55) и повторил Даль: «Лучше смерть, нежели зол живот» (стр. 285). Однако в русском кодексе воинской чести уже в XI—XII вв. лишь смерть на поле битвы предпочиталась бегству или плену.¹⁸ Народные же пословицы о смерти и жизни вообще спорят с литературным афоризмом: «Жить горько, да и умереть не сладко», «Жить грустно, а умирать тошно», «Жить тяжело, да и умирать нелегко» и т. п. (Даль, стр. 279).

Бытовой совет от имени Исихия — «Всякого дела коньць пред началъм распытай» в Изборнике имеет религиозное истолкование: «днь и ношь к коньчьному же днюи възираи выну» (стр. 275). В отдельных списках изречений Исихия это религиозное заключение опускается, и в устных пословицах варьируется лишь сам афоризм: «Начинаючи дело, о конце розмышляй» (Петр., стр. 32); «Начиня дело, разсуди о конце» (Татищев, стр. 57); «Начиня дело, о конце помышляй» (Даль, стр. 496). Но уже с записей XVII в. бытуют различные варианты этой пословицы: «Начало благо — конец потребен» (Симони, стр. 124; Петр., стр. 31; Даль, стр. 499); «Не жди начала — жди конца» (Симони, стр. 127); «Не смотри начала — смотри конца» (Петр., стр. 32; Даль, стр. 496); «Конец дело покажет и блажит» (Паус, стр. 40); «Умно делать — смотреть на конец» (Паус, стр. 45); «Не смотри начала — жди конца» (Татищев, стр. 58); «Конец венчает дело» (Татищев, стр. 54; Даль, стр. 498). Несколько вариантов приводит Даль: «Не дорого начало — а похвален конец», «Умел начать — умей и кончать» (стр. 496); «Плохое начало, что не видать конца» (стр. 495); «Добрый конец всему делу венец» (стр. 498); «Какое начало, таков и конец», «Доброе начало не без конца» (стр. 499).

Иногда Изборник дает узко практические советы, аналогии к которым находим в пословицах. Так, от имени Сираха рекомендуется: «Не даи человеку крепльшу тебе в заим; аште ли въдаси бо ему в заим, то будещи яко и погубив е» (стр. 346). В пословицах этот совет получает иную мотивировку: «Сильнее себя займы давать — добро потерять». Чаше пословица вообще советует никому не давать займы, чтобы не испортить добрых отношений: «Если хочешь нажить врага — так дай в долг денег», «С кем знаться не хочешь, тому дай денег займы» (Даль, стр. 538).

* * *

Выделяя из обширного материала сборников пословиц устные афоризмы, явно связанные с литературными источниками, мы замечаем, что они относятся к той группе, которую Даль называл «пословичными изречениями». В отличие от подлинных пословиц они «не заключают в себе никакой притчи, иносказания, обиняка» (Даль, стр. 19), т. е. подтекста, не открывают возможности более широкого применения обобщающего вывода к аналогичным фактам и явлениям. Такими «пословичными изрече-

¹⁸ Примеры в литературе XII в. см. в книге: В. П. Адрианова-Перетц. Слово о полку Игореве и памятники русской литературы XI—XIII вв. Л., 1968, стр. 70—71.

ниями» остаются и те афоризмы, которые прямо не связаны с религиозной идеологией. Однако, как правило, наиболее прочно сохраняют книжную форму цитаты, которые и в учительную литературу вошли из канонических книг — из Псалтыри, Евангелия, пророческих книг и апостольских посланий. Такие изречения и в сборниках пословиц остаются авторитетными цитатами, хотя, например, Даль и подтверждает в предисловии («Напутное») к своему сборнику, что «речения из св. писания» «большею частью переиначены, но они взяты мною не оттуда и переделаны не мною, а так они говорятся» (стр. 13). В этом предупреждении Даль объединяет под именем «св. писания» и канонические библейские книги, и учительную литературу разных жанров, довольно широко отразившуюся в устных «пословичных изречениях». Если цитаты из первых редко и слабо «переиначиваются» в живом употреблении, то заимствования из учительной литературы действительно «большею частью переиначены».

Примерами точной или очень близкой передачи цитат из «св. писания» и учительных памятников являются такие изречения Изборника: «Зачало премудрости страх господень» (Сирах, стр. 311) — ср. «Начало премудрости страх господень» (Симони, стр. 124; Даль, стр. 39). Татищев дает неточную запись: «Начало премудрости — страх» (стр. 57). «Храни свещию от ветра и молитву же от лености» (Изборник, стр. 220) — ср.: «Свет в храмине от свечи, а в душе от молитвы» (Даль, стр. 41). «Бояися бога боится и князя» и «Князя боися всею силою своею... научиши ся от того и бога боятися» (Изборник, стр. 242, 241) — ср. «Бога бойся, а царя почитай» (Симони, стр. 83); вариант у Даля: «Бог на небе, царь на земле» (стр. 243); «...судия неправедныи глагола: аще бога не боюся, ни человек не срамляюся» (Изборник, стр. 606) — ср. «Кто бога боится, тот и людей стыдится» (Симони, стр. 115), «Ни бога не боится, ни людей не стыдится» (Даль, стр. 308).

Афоризмы Изборника, в частности и те, которые оставили след в устной пословичной традиции, нередко прибегают к сопоставлению отвлеченных понятий, советов и запретов этического характера с бытовыми конкретными предметами, действиями, явлениями. Цель таких сопоставлений — сделать дидактику изречений как можно более убедительной, придать ей наглядность. Именно поэтому уже во вступительном слове, убеждающем в пользе «почитания книжного», «калугер» прибегает к таким образным доводам-сравнениям: «Узда коневи правитель есть и въздържанье, праведнику же книги», «Не съставить бо ся корабль без гвоздии, ни правьдник бес почитания книжьнааго», «Красота воину оружие и кораблю ветрила, тако и правьднику почитание книжьное» (стр. 153, 154). В этих примерах сопоставление придает афоризму четкую двучленную форму. Сопоставление может быть так метко и выразительно подобрано, что его надолго сохраняет и устный вариант. Например, Изборник характеризует «верного» друга словами Иисуса Сираха: «Друг верьн — кров крепък: обретьи же его обрете съкровиште» (стр. 329). Опуская вторую поясняющую часть этого афоризма, устная пословица сохраняет до XIX в. лаконичный образ первой части: «Друг верен — кров крепок» (Татищев, стр. 52). Полностью сохраняется двучленная форма изречения Иисуса Сираха: «Огньмь искушено бываетъ злато, а человеци приятьни в веремья съмерения» (Изборник, стр. 316). Сохраняя сопоставление, «Пчела» от имени «Исократы» короче излагает афоризм, но относит его только к испытанию друзей: «Злато огнем искушается, а друг житейскими напастьми» (стр. 62). В записи Даля пословица еще короче, но подобно Изборнику отнесена ко всем людям: «Золото огнем искушается, а человек напастьми» (стр. 151).

В отдельных случаях, когда мысль изречения была ясна и без сопоставления ее сопоставления, оно отпадало в устной передаче. Так, изречению Иисуса Сираха «Красьна есть милостини в время скърби, яко же и облаци дъждевнии в время ведра» (Изборник, стр. 352—353) соответствует в записях XVII и XVIII в. пословица: «Честна милостыня во время скудости» (Симони, стр. 154; Петр., стр. 38; Татищев, стр. 52).

Стремление народной пословицы к лаконизму можно наблюдать и на судьбе книжного афоризма Иисуса Сираха о действии «мзды» — взятки: «Мъзда и дарове ослепляють очи мудрых, да видяштей не видять» (Изборник, стр. 362—363). С XVII по XX в. это изречение известно в двух вариантах: «Мзда и мудрых ослепляет», «Дары и мудрых ослепляют». Но рядом с этими несомненно книжного происхождения устными отголосками старого афоризма в условиях феодального общества создавались разнообразные пословицы о силе взятки, ничем, кроме общего их значения, не связанные с литературной традицией. Так, и осуждение пьянства в пословицах выражается не только словами книжного афоризма: «Люббя вино и масло не обогатится» (Симони, стр. 118 и др.) — ср. в Изборнике цитата из апостола Павла: «Делатель пьяница не обогатееть» (стр. 685), но параллельно с XVII до XIX в. живет народная пословица: «Пить до дна — не видать добра» (см. выше, стр. 14). Сжимает пословица и изречение Иисуса Сираха — «Жены добры блажен есть муж ея, и число дънии его сугубо» (Изборник, стр. 383). В устной передаче с записей XVII в. до сборника Даля этот афоризм передается так: «Женою доброю муж честен бывает» (см. выше, стр. 15).

Книжное изречение, переходя в устную речь сначала в близкой к литературе форме, в конце пути иногда приобретает характерную для народных пословиц ритмичность изложения. Например, в Изборнике среди изречений Иисуса Сираха, посвященных теме дружбы, есть и такой: «...И есть друг тряпезам обыштьник и не пребудеть в днь скърби ти» (стр. 328). В записях XVIII в. первая часть этого афоризма передается так: «При пиру, при беседе много друзей и братьей» (Петр., стр. 33; Татищев, стр. 61). Но Даль записывает художественно обработанные обе части книжного изречения, противопоставляющие поведение друзей в дни «трапез», т. е. богатства, и в дни «скърби»: «При пире, при бражке — все дружки, при горе-кручине — нет никого», «Как при пире, при беседе — много друзей, как при горе, при кручине — нет никого» (стр. 776, 777).

Можно предполагать, что в отдельных случаях бытовые уподобления, применяемые в литературных изречениях, идут от далекой устной традиции. В таких примерах сходство с русскими пословицами, возможно, объясняется тем, что у разных народов одинаковые пословицы, построенные на одних и тех же бытовых образах, возникали независимо от каких-либо «влияний». Например, Иисус Сирах так излагает свое предостережение бедному — не общаться с «сильными», «богатыми»: «С креплешиим себе и с богатеишим не приобштай ся: кое бо приобштение гърньцо с котьломь — ть бо приразиться и съкрушиться» (стр. 401—402). Пословица всю эту мысль выражает одним образом, достаточно емким, чтобы вместить в себя различные подтексты на тему неравенства. Даль приводит пословицу: «Горшок котлу (вар.: чугуну) не товарищ» (стр. 773).

Даже в пределах того материала, какой дают афоризмы Изборника 1076 г. для сопоставления с устными пословицами и «пословичными изречениями», не имеющими переносного смысла, мы приходим к двум различным выводам из такого сопоставления. В одной группе устных изречений их прямая связь с литературными первоисточниками очевидна, и записи разного времени — от XVII до XIX в. — показывают то полную

сохранность старшего варианта, то его постепенное изменение, в отдельных случаях приводящее к созданию типичной для поэтики пословицы обработки. Другая группа устных пословиц-изречений дает лишь смысловые аналогии к афоризмам Изборника, сложившиеся независимо от прямого воздействия литературы. Но каков бы ни был вывод из сопоставления, оно позволяет обнаружить уже в древнейшем литературном афористическом наследии те его элементы, в которых наиболее ощутимо проявляется связь прошлого с настоящим. Вместе с тем книжные афоризмы в той их части, которая выходила за рамки узко религиозных вопросов и требований классовой морали, углубляют наше представление и о «потребителе» этой афористической литературы — читателе и писателе древней Руси, подкреплявшем свои мысли авторитетом ее изречений. Мы узнаем, как глубоко с помощью этой литературы могли древнерусские «книжные» люди заглядывать во внутренний мир человека, как они оценивали взаимоотношения людей в их личном и общественном быту. И если создание в литературе человеческого характера, в котором отдельные черты были бы слиты в цельный образ, долго еще не будет под силу русской литературе, то примеры мастерского изображения отдельных свойств характера и поведения человека дидактическая литература и в ее составе афористический жанр дали уже с XI в.

Сравнительное изучение устных пословиц и сборников афоризмов, вошедших в русскую литературу в следующие века («Пчела», «Менандр», «Исихия и Варнава» и др.), позволит значительно расширить эти предварительные выводы, основанные лишь на материале Изборника Святослава 1076 г.
